

Конструкции с пермиссивным значением как протототипические сдвиги в концепте КАУЗАТИВНОСТЬ в бурятском языке

ДАДУЕВА Елена Александровна
Бурятский государственный университет, РОССИЯ

Прототипическими каузативными конструкциями считаются те, в которых реализуются значения намеренности и контролируемости действия, наличие успешной реализации и результативность [Фурс 2004]. Например:

- 1) *Батор шандага бууда-жа ала-ба*
Батор-NOM заяц-ACC стрелять-CV убить-PST
`Батор убил зайца, застрелив его`.

Прототипическим сдвигом можно назвать переход от прототипа к непрототипу, т.е. к единице, которая включает в себя несколько другие признаки, чем чистая каузация. В результате такого семантического сдвига происходит переход от одного значения к другому [КСКТ]. Развитие новых значений осуществляется постепенно.

Такие прототипические сдвиги довольно распространены в бурятском языке. Часто эти сдвиги воспринимаются как нейтрализация каузативной семантики. Например, конструкцию *Нохойдо хазуулха* можно трактовать как «позволить собаке укусить тебя» и «быть укушенным собакой». Второй перевод отражает страдательное значение формально каузативной конструкции. Первая трактовка отражает каузативные отношения. Глагол *хазуулха* является морфологическим каузативом от глагола *хазаха* «укусить» в пермиссивном значении. Как известно, пермиссивность означает «позволить, разрешить кому-либо совершить действие».

В случае его фактитивной интерпретации «заставить, сделать так, чтобы укусить» каузативная конструкция представляла бы прототипическую конструкцию. Например: *Тэрэ намайе нохойдоо хазуулба* «Он натравил свою собаку на меня». Такие конструкции демонстрируют все признаки прототипичности: намеренность и контролируемость действия, успешная реализация и результативность.

Мы склоняемся к позиции, при которой конструкции *Нохойдо хазуулха* являются каузативными непрототипическими конструкциями. Отклонения в пермиссивных конструкциях связаны с тем, что ослабевают все признаки прототипичности.

Например:

- 2) Сэсэгма   нохой-до   хаз-уул-ба
Сэсэгма-NOM   собака-DAT   укусить-CAUS-PST
`Сэсэгма была укушена собакой` или `Сэсэгму укусила собака`,
или `Сэсэгма позволила собаке укусить себя`.

Если мы переводим конструкцию как «Сэсэгма была укушена собакой», то мы акцентируем внимание на страдательном значении глагола *хазуулха*. Как известно, страдательное значение побудительных

Конструкции с пермиссивным значением как прототипические сдвиги в концепте КАУЗАТИВНОСТЬ в бурятском языке глаголов, к которым традиционная грамматика бурятского языка относит каузативные глаголы с маркерами каузативности, показывает, что действие направлено на субъекта. Почему же тогда не использована конструкция собственно страдательного залога? Например: *Сэсэгма нохойдо хазагдаба* `Сэсэгма была укушена собакой`. Почему выбрана каузативная конструкция?

Вероятнее всего, использование именно конструкции с морфологическим каузативом более приемлемо для бурятской языковой картины мира. По нашему мнению, пермиссивное употребление подобных конструкций способно демонстрировать определенные характеристики менталитета.

3) Сэсэгма   нохой-до   хаз-уул-ба
Сэсэгма-NOM   собака-DAT   укусить-CAUS-PST
`Сэсэгма позволила собаке укусить себя`.

В конструкции в качестве каузатора, т.е. актанта в главной номинативной роли, выступает *Сэсэгма*. Именно действия *Сэсэгмы* явились причиной каузированного состояния. Собака здесь воспринимается как орудие, а не причина случившегося события. Человек своими действиями позволил собаке укусить себя, возможно, он привлек ее внимание, бежал, махал руками и т.д. Конечно же, действия его не имели характера намеренности, контролируемости и желания успешной реализации. Ср.: *Бадмые нохой хазаба* `Собака укусила Бадму` (здесь агентивным центром выступает уже собака в прототипической конструкции, именно она и является причиной).

Ср.также:

Би һүүлһээнъ абажа, хажуу тээшэнь шэдэхэм гэжэ һанаһан аад, мэгдэ шоод, тархиһаанъ барижа, хажуу тээшэнь хаяад, гараа хазуулаа һэм`

Я хотел выбросить его в сторону, взяв за хвост, но, растерявшись, схватил за голову и бросил в сторону, и был укушен в руку` (Ц.-Д. Хамаев. Дуунай эхин. 1962) [ЭКБЯ].

Данный пример наглядно показывает, что каузатором, т.е. источником воздействия был сам человек, которого укусила змея. Каузатор, растерявшись, позволил укусить себя, т.е. он считает себя и свои действия причиной случившегося. Он позволил себя укусить, потому что неправильно действовал. Естественно, что такие предложения мы переводим на русский язык с помощью страдательных конструкций. Иной перевод будет достаточно неестественным и нелогичным.

На наш взгляд, такие конструкции отражают менталитет бурят. Как замечает психолог В. Г. Крысько, «буряты вели кочевой образ жизни, были изолированы от внешнего мира, что сформировало их серьезную зависимость от природных сил, способствовало появлению множества традиций и обрядов, связанных с взаимоотношениями с природой. Каждое племя, каждый род могли надеяться только на собственные возможности, им неоткуда было ждать помощи» [Крысько 2008, с. 89]. Также он отмечает такие черты, как уважительное отношение к старшим, стремление обойти острые углы, конформность, терпеливость во взаимоотношениях [Там же].

По всей видимости, «стремление обойти острые углы» как раз и показывают такие конструкции, как *нохойдо хазуулба*. Человек считает себя виноватым в произошедшем, не хочет показать, что причиной следствия были иные обстоятельства. Он никого не винит, кроме самого себя.

Ср.:

4) Тэрэ	мяха-я	уж-ээ-лгэ-бэ
Он-NOM	мясо-ACC	гнить-CAUS-CAUS-PST

Конструкции с пермиссивным значением как прототипические сдвиги в концепте КАУЗАТИВНОСТЬ в бурятском языке
`Он позволил мясу сгнить`.

Данную конструкцию можно было бы интерпретировать как выражающую некаузативную ситуацию (*У него мясо сгнило*). Однако в бурятском языке она приобретает каузативную окраску, а именно пермиссивное значение, демонстрируя непрототипические эффекты. Эта конструкция показывает, что человек сам виновен в случившемся, его оплошность и забывчивость привели к таким последствиям, что мясо сгнило.

Таким образом, пермиссивные каузативные конструкции в бурятском языке демонстрируют прототипические сдвиги. Такие конструкции можно назвать довольно характерными для бурятской языковой картины мира. По нашему мнению, они могут отражать некоторые особенности менталитета.

Литература

- Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
- Крысько В. Г. Этническая психология. 4-е изд. М.: Академия. 2008. 320 с.
- Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2004. 36 с.
- Электронный корпус бурятского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface language=ru> (дата обращения: 14.06.2021).

ABSTRACT

Constructions with permissive meaning as prototypical shifts in the concept of CAUSATIVITY in the Buryat language

Elena A. DADUEVA

Banzarov Buryat State University, RUSSIA

The article is devoted to the question of non-prototypical causative constructions in the Buryat language. Prototypical causative constructions are those in which the values of maneuverability and controllability of an action, the presence of successful implementation and effectiveness are realized. The prototypical shift in the Buryat language occurs in constructions with the meaning of permissive causation, in which there are no basic signs of prototypicality. The article shows that such constructions can be called quite characteristic of the Buryat language picture of the world. Permissive constructions reflect some features of the mentality.